

Он стоял с голым торсом, одетый только в темные шорты, и ловко уклонился от рук Альфа.

Альф приподнял бровь:

— Да, на этот раз вы не ранены. Но из-за того, что вы не послушали советов и упорно продолжали патрулировать, вчерашняя пулевая рана разошлась.

Брюс посмотрел вниз и увидел, что только что перевязанная рана снова была пропитана кровью.

Во время ночного патрулирования и схваток он не замечал боли, но теперь, когда нечего было делать, и он расслабился в обществе доверенного человека, ощущение разрыва и тупая боль в ране наконец дали о себе знать.

Осознавая свою вину, Брюс повесил костюм рядом со шлемом, убрал их в отсек, а затем покорно сел на диван, молча позволяя Альфу осмотреть себя.

Руки Альфа наконец добрались до живота Брюса, и несколько новых синяков на его груди явно указывали на то, что он солгал.

— Не ранены? — Голос Альфа звучал угрожающе, и он невольно надавил на синяки. — Их вчера не было.

Тело Брюса резко напряглось.

Руки дворецкого были невероятно холодными, и их прикосновение к его груди было похоже на раскаленное железо, окунутое в холодную воду, вызывая странное ощущение покалывания и жжения.

Он неловко пошевелился.

Альф тут же сказал:

— Не двигайтесь.

— Щекотно, — Брюс кашлянул, отводя взгляд. — Твои руки слишком холодные.

Альф с недоумением посмотрел на свои руки, не понимая.

Он ведь не был двойником, почему его руки могли быть холодными? Его истинная форма — летучая мышь, и даже после мутаций, которые сократили разрыв с человеком, его температура была выше, чем у обычных людей.

Но кожа под его руками действительно была невероятно горячей. Альф замер и, наконец, понял, что что-то не так:

— У вас жар?

Брюс тут же возразил:

— Не может быть!

Альф молча взял термометр и, просто поднеся его ко лбу Брюса, увидел, как цифры быстро поднялись до 39 градусов.

Он повторил с большей строгостью:

— У вас жар.

Брюс сидел на диване, с недоверием ощупывая свой лоб, выглядел немного жалко. Но Альф явно не собирался позволять его жалкому виду обмануть себя и забыть, как этот человек не бережет свое здоровье.

Он даже немного разозлился:

— Рана разошлась, вызвав воспаление, поэтому у вас жар.

Брюс, понимая свою вину, извинился:

— Мне очень жаль, Альф.

Тон Альфа был строгим, но движения — нежными. Он осторожно снимал бинты, и когда добрался до раны, лекарства, смешанные с потом и кровью, застыли в комок, прилипший к ране. Ему пришлось быть особенно осторожным, протирая края спиртом и медленно отклеивая бинт, чтобы не вызвать дополнительных повреждений.

Лицо Альфа стало еще мрачнее:

— Сегодняшний патруль отменяется.

— Нет, — когда дело касалось его второй личности, Брюс был непреклонен. — Я беспокоюсь о тех двух группах нападавших. Это новая организация в Готэме или силы из другого города? Я еще не выяснил, поэтому сегодня не могу отдыхать.

Альф молчал. Он сосредоточенно обрабатывал рану, снова накладывал лекарство и перевязывал ее, прежде чем наконец взглянуть на своего хозяина:

— Я могу помочь вам выяснить.

Брюс покачал головой:

— Но ты не сможешь патрулировать за меня.

Альф хотел сказать, что он не обычный старик, его реакция, сила, навыки разведки ничем не уступают Брюсу, и он даже благополучно вышел в отставку из спецназа... Но многое он не мог объяснить, поэтому молча взял плед и плотно укутал Брюса.

— Я приготовлю вам чашку черного чая, — после долгого молчания Альф наконец произнес. — Успокойтесь. Если вы все равно настаиваете, я больше не буду мешать.

Брюс с недоумением моргнул, не понимая, почему дворецкий вдруг смягчился, но это не помешало ему кивнуть и, укутавшись в плед, послушно сесть на диван, ожидая, когда Альф принесет чай. Он выпил его залпом.

Ему казалось, что эта сцена ему знакома.

Сознание начало ускользать, и он вспомнил, как два года назад, после взрыва, у него были сломаны три ребра.

Тогда он тоже, едва ребра начали срастаться, не хотел ждать ни секунды и в ту же ночь надел костюм, чтобы отправиться на патрулирование.

А что, если ребра сместятся? Так много медицинских бандажей, пара штук для фиксации груди и живота, и кроме боли, которая не утихала, проблем не было.

Но он смутно помнил, что, когда он больше всего бушевал, именно Альф первым сдался, предложив ему выпить чашку чая, чтобы успокоиться. Он выпил его и незаметно заснул.

Тот сон длился целых три дня, и когда он наконец проснулся, ребра полностью зажили, он мог бегать и прыгать, и больше не чувствовал тупой боли.

Тогда он тоже удивлялся своему странному сну, но Альф сказал, что это была естественная реакция организма и побочный эффект обезболивающих и противовоспалительных, поэтому он не задумывался.

Но теперь...

Брюс, с трудом удерживая голову, чтобы не заснуть, был уверен, что дворецкий его обманул.

— Сэр, что с вами? Вы хотите спать?

В ушах все еще звучал обеспокоенный голос Альфа, но Брюс больше не собирался поддаваться на его уловки.

Никаких сомнений.

Он был уверен, что его единственный доверенный дворецкий подсыпал ему что-то!

Брюс, в полубессознательном состоянии, погрузился в глубокий сон.

Альф позвал его еще пару раз, убедившись, что его беспокойный хозяин действительно уснул, и наконец расслабился.

Он поставил оставшийся чай на поднос, дал Брюсу жаропонижающее и теплую воду, затем слегка наклонился и, укутав его в плед, поднял на руки.

Седовласый дворецкий, несущий на руках «рулон Брюса», выглядел немного смешно, но в этом жесте была искренняя забота и нежность.

Он не мог позволить Брюсу снова подвергнуться опасности, поэтому иногда приходилось делать вещи, не совсем подходящие для дворецкого.

А что, если хозяин разозлится, когда проснется?

Ну, это будет потом!

Спокойный Альф отнес Брюса в лифт и через потайной ход отправился в его спальню.

Он положил Брюса на мягкую кровать, снял жесткий плед и укрыл его теплым одеялом с ароматом печенья, тщательно заправив края, прежде чем выпрямиться.

Он подошел к пианино, снова нажал три разные клавиши, и книжная полка вернулась на место, закрывая вход в лифт.

Альф остался у кровати Брюса, несколько раз проверил его температуру, и когда она наконец опустилась до нормальных 36,7, прошло уже больше трех часов. Было семь утра.

В это время в поместье Уэйнов не было слуг. Чтобы защитить вторую личность Брюса, слугам разрешалось входить в поместье только с десяти утра.

Поэтому, очевидно, завтрак для Дика пришлось готовить ему.

Альф тихо закрыл дверь Брюса и направился на кухню. Он быстро испек несколько пончиков, подогрел большую кружку молока и, взяв поднос, подошел к двери Дика.

Он постучал три раза, и из-за двери послышался голос Дика. После шороха одежды и быстрых шагов дверь открылась, и перед Альфом появилось сонное лицо мальчика.

Альф с неодобрением посмотрел на него:

— Вам следует надеть обувь. Так можно простудиться.

Дик смущенно поджал ноги, пытаясь спрятать их под штанинами.

Ему это не удалось.

Альф, положив руку на его плечо, вернул Дика к кровати:

— Наденьте обувь.

Дик, опустив голову, быстро надел тапочки.

Альф только что поставил поднос на тумбочку, как Дик спросил:

— Это мой завтрак? Они пахнут очень вкусно. Но разве мне не нужно завтракать с Брюсом? Не слишком ли это невежливо — есть в комнате?

— Сегодня не нужно, сэр все еще спит, — Альф изо всех сил пытался придумать оправдание для Брюса. — Он очень устал вчера и, возможно, не проснется...

— Я понимаю, — Дик выглядел совсем не удивленным и даже многозначительно подмигнул Альфу. — Ведь это была горячая и дерзкая мускулистая девушка, неудивительно, что Брюс не выдержал.

<http://bllate.org/book/16236/1459175>